

тирующего банка и иностранного банка в действиях, совершаемых с документарным аккредитивом. Выбор остается за тем инструментом, который содержит конкурентоспособные условия по финансированию аккредитива, а как это реализовать — посредством постфинансирования или дисконтирования — вопрос технический и зависит от кредитной и учетной политики дисконтирующего или финансирующего банка.

Источники

1. *Бобровская, Ж. В.* Торговое финансирование [Электронный ресурс] / Ж. В. Бобровская // Infobank.by. — Режим доступа: <http://infobank.by/torgovoe-finansirovanie/>. — Дата доступа: 03.12.2018.
Bobrovskaya, J. V. Trade Finance [Electronic resource] / J. V. Bobrovskaya // Infobank. — Mode of access: <http://infobank.by/torgovoe-finansirovanie/>. — Date of access: 03.12.2018.
2. Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nbrb.by>. — Дата доступа: 15.11.2018.
3. Организация экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.oecd.org/tad/xcred/cirrs.pdf>. — Дата доступа: 10.12.2018.
4. Национальная программа развития экспорта Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 авг. 2016 г., № 604 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=C21100656>. — Дата доступа: 15.11.2018.
5. *Орда, Е.* Банковский кодекс Республики Беларусь: анализ основных изменений / Е. Орда // Банк. вестн. — 2018. — № 3. — С. 14.
Orda, E. Banking Code of the Republic of Belarus: Analysis of Major Changes / E. Orda // Bank Bull. — 2018. — № 3. — S. 14.

Статья поступила в редакцию 15.11.2018 г.

УДК 167:001.895

N. Bogdan
BSEU (Minsk)

EAEU COUNTRIES IN THE CONTEXT OF GLOBAL INNOVATION DEVELOPMENT

The features of the innovative development of the EAEU countries are considered on the basis of the analysis of the resources allocated for the development of human capital and scientific research in the context of world indicators of innovative development. The conclusion was drawn about the inconsistency of R&D intensity with global development trends, new tools were proposed to stimulate innovation, increasing the possibilities for implementing the progressive development scenario of the EAEU countries.

Keywords: scientific research; human potential; innovation; integration association.

Н. И. Богдан
доктор экономических наук, профессор
БГЭУ (Минск)

СТРАНЫ ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Рассмотрены особенности инновационного развития стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на основе анализа ресурсов, выделяемых на развитие человеческого капитала и научных исследований, в контексте мировых индикаторов инновационного развития. Сделан вывод о несоот-

ветствии затрат мировым трендам развития, предложены новые инструменты стимулирования инноваций, повышающие возможности реализации прогрессивного сценария развития стран ЕАЭС.

Ключевые слова: научные исследования; человеческий потенциал; инновации; интеграционное объединение.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) вступил в силу с января 2015 г. и включает Россию, Казахстан, Беларусь, Армению, Киргизию, объединение является восьмым в мире по численности населения (186 млн чел.), первым по территории (20,26 млн км²), пятым в мире по ВВП (4695,9 млрд дол. США). Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе целями объединения являются экономическое развитие стран-участниц, а также модернизация и повышение конкурентоспособности этих государств на мировом рынке. Основные принципы функционирования ЕАЭС — обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Интеграционное объединение стран ЕАЭС основано на взаимных интересах, учитывает общее экономическое пространство бывшего Советского Союза, культурные традиции поколений и современные тенденции формирования экономики знаний и задачи общего инновационного развития.

Страны ЕАЭС разработали совместную стратегию развития в условиях формирования цифровой экономики [1]. Экономический эффект от реализации Цифровой повестки увеличит ВВП ЕАЭС к 2025 г. примерно на 10,6 % общего ожидаемого роста совокупного ВВП государств-членов к 2025 г. Указанный потенциальный эффект почти в два раза превышает возможный размер увеличения ВВП стран ЕАЭС в результате развития без реализации общей Цифровой повестки. Реализация Цифровой повестки обеспечит рост занятости в ИКТ сфере на 66,4 % на пространстве ЕАЭС к 2025 г. (1 млн новых рабочих мест в области ИКТ), что почти на 50 % больше, чем в случае развития государств-членов без совместной Цифровой повестки.

Вместе с тем следует отметить, что структура экспорта стран ЕАЭС пока носит традиционный характер: преобладают экспорт минеральных ресурсов, а импорт сложно-технических товаров. В товарной структуре экспорта государств — членов в страны вне ЕАЭС преобладают минеральные продукты (62,6 % общего объема экспорта), металлы и изделия из них (10,7 %), продукция химической промышленности (6,1 %). Более 80 % этих товаров продает на внешнем рынке Российская Федерация. Наибольшую долю в импорте занимают машины, оборудование и транспортные средства (44,7 % совокупного импорта), продукция химической промышленности (18,1 %), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (12,2 %). Более 80 % объема закупок этих товаров за пределами ЕАЭС приходится на Россию [2]. Целью работы является определение проблемных зон инновационного развития стран ЕАЭС для обеспечения прогрессивного сценария развития объединения.

В настоящее время потенциал стран ЕАЭС по качеству человеческих ресурсов и возможностям инновационного развития заметно различается, о чем свидетельствуют международные индикаторы (табл. 1). Анализ международных рейтингов показывает, что Беларусь и Россия имеют схожие по потенциалу рейтинги в области человеческого развития, Казахстан сохраняет высокие темпы роста индикаторов оценки человеческого капитала. Наиболее слабым потенциалом человеческих ресурсов для инноваций обладает Киргизия. Вместе с тем положение стран в оценке инновационного развития не имеет тесной связи с оценкой человеческих ресурсов, например Беларусь в отличие от других стран ЕАЭС в последние годы ухудшила свое положение в международном рейтинге инноваций, обладая наиболее развитым человеческим капиталом среди стран объединения. Отчасти это связано с изменением некоторых показателей оценки, учитываемых в Глобальном индексе инноваций, вместе с тем требуют исследования и другие факторы, в том числе интеграционные, финансовые аспекты поддержки образования, науки и инноваций.

Таблица 1. Показатели развития стран ЕАЭС по международным рейтингам

Страна	Численность населения, тыс. чел.	Индекс человеческого развития (рейтинг)	Глобальный индекс инноваций (рейтинг)	Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (рейтинг)	ВВП на душу населения (по ППС дол.)
	2017	2016	2017	2017	2017
Беларусь	9491,8	50	88	32	18 761
Россия	146 880,4	50	45	45	23 945
Казахстан	18 157,1	56	78	52	26 604
Армения	2972,9	84	59	75	9468
Киргизия	6256,7	120	95	109	3913

Источники: составлено автором.

В перспективе спрос на человеческие ресурсы с высоким уровнем образования имеет тенденцию к росту, так, по данным ЕС к 2025 г. доля высококвалифицированного труда (ISCED5-6) International Standard Classification of Education (МСКО5-6) в экономике возрастет до 39 %, а низкоквалифицированного (МСКО ниже 3) сократится с 22 до 14 %. Одним из новых показателей для оценки перспектив инновационного развития является образовательный уровень молодежи. В качестве индикатора в европейской практике используют долю населения, с образованием третьей ступени в численности населения 30–34 лет. К третьей ступени образования в соответствии с международной системой классификации образования (МСКО 5–6) можно отнести специалистов с законченным средним специальным и высшим образованием. Доля таких специалистов среди молодежи в ЕС составляет 39 % и согласно стратегии «Европа 2020» должна составить к 2020 г. не менее 40 %. Наши расчеты показывают, что в Беларуси доля населения с образованием третьей ступени в возрасте 30–34 года составляет 59 %, что выше, чем у многих европейских стран.

Важную роль в инновационном развитии играет структура подготовки кадров по специальностям. В последние годы международные исследования оценивают подготовку специалистов по так называемым STEM (естественно-научная и инженерная подготовка) специальностям. Более 24 % контингента студентов обучаются в Беларуси по STEM специальностям, в России — 23,5 % студентов, что соответствует развитым странам мира. Заметно ниже доля студентов с естественно-научным и техническим образованием в Киргизии и Казахстане (15 %).

Качество образования во многом определяется возможностями финансирования. Государственные расходы на образование в странах ЕАЭС заметно различаются (табл. 2). В последние годы относительно ВВП сократились расходы на образование в России и Беларуси, возросли в Киргизии и сохраняются низкими в Казахстане и Армении.

Таблица 2. Показатели образования в странах ЕАЭС (2015)

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Государственные расходы на образование, % ВВП	2,4	4,9	3,3	6,0	3,8
Ожидаемая продолжительность обучения, год	11,2	15,4	15,0	13,0	15,0
Охват населения третичным образованием (МСКО 5–8), % численности населения в соответствующем возрасте	44,3	94,3	48,5	45,9	78,7

Источники: рассчитано по «Belarus and countries of the world».

Если Беларусь, Россия и Казахстан по индикатору «ожидаемая продолжительность обучения» практически приблизились к развитым странам (Франция — 16,3; Герма-

ния — 17; Великобритания — 17,9), то Армения и Киргизия существенно отстают, что влияет на понижение ранга стран в Human Development Index (см. табл. 1).

Расходы на третью ступень образования (on tertiary education) по отношению к ВВП в странах ЕАЭС резко отличаются: от 0,2 % ВВП в Армении до 0,9 % ВВП в России и Беларуси. В мире расходы на образование имеют устойчивую тенденцию к росту по отношению к ВВП, при этом расходы на третью ступень образования, относительно ВВП в развитых странах значительно выше, чем в странах ЕАЭС, например, в 2011 г. в Южной Корее — 2,6 %, ЕС — 1,3 %, ОЭСР — 1,7 % ВВП.

Низкие затраты на образование высшей ступени приводят к отрицательным последствиям. Устойчивое недофинансирование образования снижает его качество и стимулирует отток студентов для обучения в других странах. По данным статистики ЮНЕСКО (Global Education Digest 2012), например, в Беларуси за рубежом обучалось 28,8 тыс., в 2014 г. их число составляло уже 35 тыс. Наибольшее число студентов, выбравших образование за рубежом, из стран ЕАЭС имеют Беларусь — 6,39 % контингента, Казахстан — 6,25 %, Армения — 5,67 % контингента студентов. Студенты из России, выбравшие зарубежное образование, составляют относительно незначительную величину — 0,67 % контингента.

Для развития образования и роста его качества важны инвестиции в науку в секторе высшего образования. В развитых странах именно сектор высшего образования осуществляет фундаментальные исследования, которые потом реализуются в прикладных научных исследованиях и разработках. Рост затрат на научные исследования в вузах скажется и на качестве высшего образования. В Беларуси доля затрат на науку в секторе высшего образования существенно ниже, чем в развитых странах и сокращается (например, в 2005 г. — 17 %, в 2016 г. — 9,6 % внутренних затрат на научные исследования). Как показывает анализ, финансирование этого сектора во всех странах ЕАЭС также невелико: на уровне 10 % всех расходов на науку. Значительные изменения произошли в Казахстане, где реформы в структуре высшего образования и науки привели к росту финансирования этого сектора до 30 % совокупных расходов на научные исследования (2009 г. — 15 %).

Следует отметить, что за последние годы не произошло позитивных изменений в росте затрат на науку в странах ЕАЭС (табл. 3). Анализ данных показывает, что затраты на науку сократились в странах ЕАЭС в долларах США почти на 40 %, и только в России превышен 1 % уровень наукоемкости ВВП. Плановые задания, поставленные Государственной программой инновационного развития Беларуси на 2011–2015 гг., по росту данного показателя (2,5 % ВВП) не выполнены. В 2017 г. данный показатель составил лишь 0,59 % ВВП.

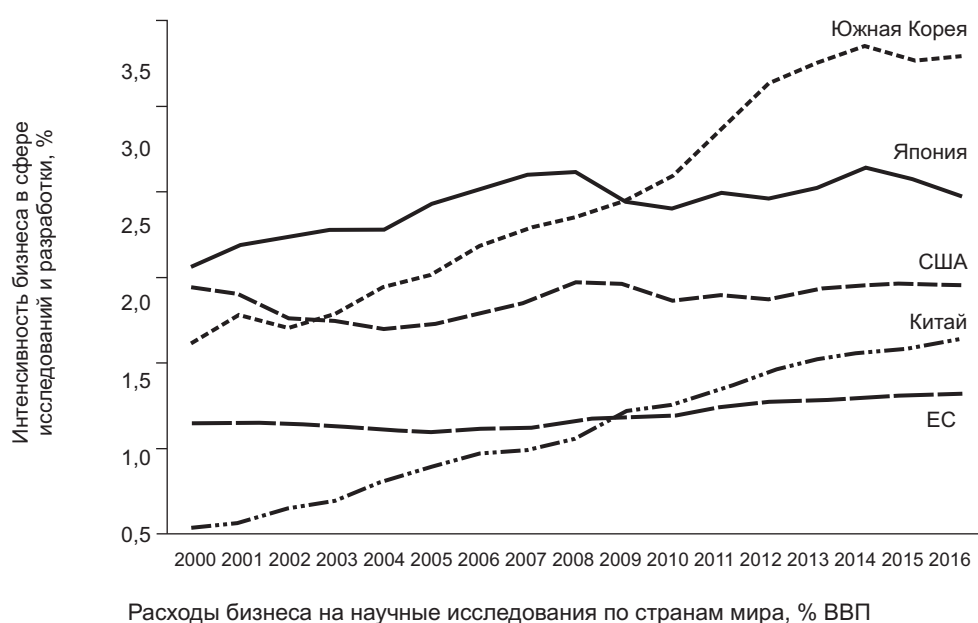
Таблица 3. Внутренние затраты на исследования и разработки по странам ЕАЭС, млн дол. США¹⁾

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Армения	24	23	26	25	23
Беларусь	423	487	397	277	238
Казахстан	344	405	370	313	195
Кыргызстан	11	11	9	8	7
Россия	22 525	23 564	22 323	15 078	14 109
ЕАЭС	23 327	24 490	23 125	15 701	14 572

Примечание: ¹⁾ Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков за год: по Беларуси — по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России — по средним курсам национальных валют к доллару США.

Источники: составлено на основе статистики ЕАЭС.

В мире расходы на науку только со стороны бизнеса, составляющие до 70 % совокупных затрат, существенно выше (см. рисунок). Наиболее тревожным с точки зрения соответствия мировым трендам является индикатор, характеризующий расходы на НИОКР в расчете на одного исследователя. Наши расчеты для Беларуси показывают, что с 2007 по 2015 г. они выросли с 35 до 45 тыс. дол., однако это почти в 4 раза меньше, чем в среднем в государствах с уровнем национального дохода выше среднего и соответствует слаборазвитым странам Африки. В России данный показатель составил в 2013 г., по данным ЮНЕСКО [3], 56,6 тыс. дол., что выше, чем в 2007 г. (47,4 тыс. дол.), но явно недостаточно для сохранения перспективных научных кадров, ибо в развитых странах этот показатель составляет 205 тыс. дол. на одного исследователя.

Источник: составлено автором на основе [3].

Таким образом, современное состояние финансирования науки в странах ЕАЭС не соответствует мировым тенденциям роста затрат на научные исследования и разработки. В мире наукоёмкость составила по данным ЮНЕСКО 1,7 % ВВП, и несмотря на кризисные симптомы в экономике, инвестиции в научные исследования и разработки (НИОКР) существенно увеличились: между 2007 и 2013 г. — на 31 %. Это превышает рост мирового ВВП за тот же период (20 %) [3].

Недостаточное финансирование науки и отсутствие положительной динамики снижают заинтересованность молодежи в научной карьере и ведут к сокращению численности персонала науки (табл. 4). Анализ показывает, что в России, Беларуси и Армении произошло снижение численности персонала науки, но в Казахстане и Киргизии несмотря на сохраняющееся низкое финансирование науки численность научных работников возросла. Вероятной причиной такой динамики является изменение стимулов к занятию научной деятельностью. Данная тенденция требует дополнительных исследований. По численности персонала науки наиболее мощным потенциалом обладает Россия — более 90 % научного персонала ЕАЭС (см. табл. 4).

Таблица 4. Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками по странам ЕАЭС

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
	Тысяч человек				
Армения	5,6	5,2	5,6	5,0	4,9
Беларусь	30,4	28,9	27,2	26,1	25,9
Казахстан	20,4	23,7	25,8	24,7	23,0
Кыргызстан	3,3	4,2	4,2	4,6	4,5
Россия	726,3	727,0	732,3	738,9	722,3
ЕАЭС	786,0	789,1	795,1	799,3	780,6
	В процентах к численности экономически активного населения				
Армения	0,39	0,38	0,41	0,38	0,40
Беларусь	0,66	0,63	0,59	0,58	0,50
Казахстан	0,23	0,26	0,29	0,27	0,26
Кыргызстан	0,13	0,17	0,17	0,18	0,18
Россия	0,96	0,96	0,97	0,96	0,94
ЕАЭС	0,84	0,85	0,86	0,85	0,83

Источники: составлено автором на основе данных статистики ЕАЭС.

Беларусь за 2000–2016 гг. потеряла 27 % персонала науки, при этом падение было постоянным, устойчивым. В результате в Беларуси число научных работников в расчете в процентах от экономически активного населения сократилось за 2012–2016 гг. с 0,66 до 0,5 %. В целом сокращение численности научных работников ЕАЭС составило 5,4 тыс. человек и «вклад» Беларуси был самым заметным — 4,5 тыс. научных сотрудников (83 %). В то же время практически все европейские страны за период 2001–2016 гг. увеличили численность персонала науки, в среднем в ЕС удельная численность научных работников в расчете на 1000 занятых в 2016 г. составляла 13,1 чел., в северных странах ЕС и Израиле — более 20 чел. [4].

В международной практике результативность исследований оценивается через патентование в пяти ведущих патентных офисах мира — США, Японии, ЕС, Южной Кореи и Китая. В международных заявках на изобретения по процедуре РСТ (Договор о патентной кооперации) из стран ЕАЭС лидирует Россия, что обосновано ее потенциалом: количество заявок возросло с 658 в 2005 г. до 949 в 2014 г. В Беларуси таких заявок очень мало: 2012 г. — 12, 2014 г. — 13 заявок. Для сравнения, в 2014 г. от исследователей Нидерландов и Швеции таковых поступило 4206 и 3913 соответственно [5]. Следовательно, выход на мировой рынок патентования является еще слабым звеном стран ЕАЭС и требует дополнительного стимулирования.

Другим аспектом оценки эффективности затрат на научные исследования являются международные публикации. Глобальный объем научно-технической продукции, индексируемой в библиометрической базе SCOPUS, увеличивался за 2003–2012 гг. почти на 8 % в год. В США общее количество публикаций за этот период выросло на 50 %, в Китае — почти в 4 раза, что является результатом усиленного финансирования науки. Высокая цитируемость свидетельствует о соответствующем «качестве» научной продукции. По данным отчета ЮНЕСКО Россия, Беларусь, Армения имеют неплохую публикуемость и цитируемость научных работ (научный потенциал сохранился), однако заметного роста за 2005–2014 гг. не произошло. Положительная динамика публикуемости

научных работ есть у Казахстана, что свидетельствует о мотивации научных работников к публикации в рейтинговых научных журналах (табл. 5). В среднем в мире показатель количества публикаций в расчете на млн жителей за 2008–2014 гг. увеличился от 158 до 176, в Европейском союзе — от 542 до 609. Таким образом, страны ЕАЭС еще существенно отстают от передовых стран. Установлено, что рост публикационной активности прямо связан с объемами финансирования науки. Например, в Китае в 2014 г. финансирование в расчете на каждого исследователя составляло 195,4 тыс. дол., что сказалось на масштабе публикаций, их доля в мировых научных публикациях составила 20 % [3].

Таблица 5. Научные публикации по странам ЕАЭС

Страна	Количество публикаций										Количество публикаций на миллион жителей	
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2008 г.	2014 г.
Беларусь	978	945	914	1033	998	964	1067	1133	1046	1077	108	116
Россия	24 694	24 068	25 606	27 418	27 861	26 869	28 285	26 183	28 649	29 099	191	204
Казахстан	200	210	255	221	269	247	276	330	499	600	14	36
Армения	381	404	418	560	497	574	670	775	705	691	188	232
Киргизия	46	47	51	54	51	57	65	67	95	82	10	15

Источники: составлено автором на основе [3].

Безусловно, важен и масштаб международного сотрудничества. За рубежом ученые стран ЕАЭС в основном издают свои работы в соавторстве (табл. 6).

Таблица 6. Научные публикации в международном сотрудничестве, 2008–2014 гг.

Страна	2008–2014 гг.		2008–2012 гг.	
	Всего	С международными соавторами, абс. (%)	Цитирование в среднем, %	В числе 10 % наиболее цитируемых, %
Беларусь	7318	4274 (58,4)	0,79	6,6
Россия	194 364	64 190 (33)	0,52	3,8
Казахстан	2442	1496 (61,3)	0,51	4,5
Армения	4472	2688 (60,1)	1,03	9,2
Киргизия	471	373 (79,2)	0,67	6,2

Источники: составлено автором на основе Thomson Reuter's Web of Science, Science Citation Index Expanded, data treatment by Science-Metrix.

С одной стороны, международное соавторство свидетельствует о наличии международных связей, реализации совместных научных проектов, что обогащает научные исследования и способствует обмену опытом исследований. С другой стороны, высокая доля совместных публикаций говорит о слабости научного потенциала страны, что затрудняет единоличные публикации в зарубежных журналах.

Слабая связь образования, науки и производства стран ЕАЭС проявляется в низком уровне инновационной активности предприятий, который составляет для России и Казахстана 8–9 %, а в Беларуси составил в 2017 г. 19,8 % (2011 г. — 21,7 %), тогда как страны ЕС сохраняют инновационную активность бизнеса на уровне 50 %. К инновациям в странах ЕАЭС более всего расположены крупные, экономически состоятельные ор-

ганизации, имеющие достаточные финансовые, кадровые и интеллектуальные ресурсы. В России 46,3 % предприятий, осуществлявших технологические нововведения в промышленном производстве, имеют численность работников свыше 500 чел. Уровень инновационной активности растет пропорционально размеру фирм: от 1,4 % (в компаниях с численностью работников до 49 чел.) и 4,4 % (50–99 чел.) до 76 % (5000–9999 чел.) и 87,2 % (от 10 000 чел.). В Беларуси ситуация аналогична, малые и средние предприятия имеют гораздо более низкий уровень инновационной активности: в 2016 г. только 3,4 % малых и средних предприятий осуществляли затраты на инновации [6].

Анализ показывает, что масштаб современных ресурсов, инвестируемых в науку, технологии и образование, в странах ЕАЭС не соответствует международным трендам. В эпоху глобальной конкуренции и высокой неопределенности будущего победителями оказываются те страны, которые делают основную ставку на максимальное развитие человеческого потенциала, на способности людей развивать инновации в условиях быстрых и непредсказуемых изменений. Основа инновационного развития — сфера исследований и разработок — фундаментально недофинансирована: расходы на исследования и разработки ниже 1 % ВВП по всем странам ЕАЭС кроме России (1,13 % ВВП) при среднем показателе в мире 2,23 %, кроме того, они сокращаются.

Учитывая мировую практику роста затрат на науку, сохранение таких тенденций не позволит ЕАЭС достойно конкурировать на мировых рынках и вероятность прогрессивного сценария развития в долгосрочном периоде будет невысокой. В целом, анализ показывает необходимость реформирования механизмов сотрудничества и взаимодействия стран ЕАЭС в сфере науки, технологии, инноваций и развития человеческого капитала. Разработка и реализация совместной инновационной стратегии стран ЕАЭС может повысить вероятность прогрессивного сценария.

Будущее организаций и корпораций зависит от способности регулирующих органов формировать в ЕАЭС благоприятные условия для инновационного развития. Новая инновационная стратегия должна использовать более широкий набор механизмов, чем те, которые традиционно включаются в сферу инновационной политики, а именно:

Нужно усовершенствовать некоторые уже действующие механизмы, в том числе:

- 1) финансовые инструменты, которые используются для поддержки малых и средних предприятий (МСП);
- 2) государственно-частное партнерство, применяемое для развития инфраструктуры, а также для создания прорывных товаров и услуг;
- 3) сотрудничество между университетской наукой и промышленными предприятиями в области передачи технологий в целях коммерциализации и маркетинга результатов НИОКР;
- 4) единая стратегия подготовки квалифицированных специалистов для новых сфер деятельности.

Необходима разработка и внедрение новых механизмов:

- 1) создание надежной платформы для проведения консультаций по промышленным вопросам, как на начальных, так и на более поздних этапах НИОКР;
- 2) разработка ориентированной на спрос экономической политики, что особенно актуально в области государственных закупок для формирования спроса на инновационные товары;
- 3) создание «инновационных экосистем», механизмов, облегчающих взаимодействие между входящими в производственно-сбытовую цепочку организациями, включая посредников и компании, способствующие ускорению инновационного сотрудничества;
- 4) полноценное использование европейского технологического опыта на основе создания кластеров и технологических платформ;
- 5) совершенствование координации инновационной политики между органами управления ЕАЭС и входящих в него стран.

Источники

1. Основные направления реализации Цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/>. — Дата доступа: 05.07.2018.
2. Формируя цифровое пространство. Годовой отчет ЕАЭС 2017 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. — Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/>. — Дата доступа: 05.07.2018.
3. UNESCO Science Report: towards 2030 [Electronic resource] // UNESCO. — Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407r.pdf>. — Date of access: 11.07.2018.
4. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: The digital transformation [Electronic resource] // OECD ilibrary. — Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264268821-en>. — Date of access: 11.07.2018.
5. *Нечепуренко, Ю. В.* Объекты промышленной собственности в Республике Беларусь / Ю. В. Нечепуренко. — Минск : БГУ, 2016. — 135 с.
Nechepurenko, Yu. V. The industrial property right in the Republic of Belarus / Yu. V. Nechepurenko. — Minsk : BGU, 2016. — 135 p.
6. *Богдан, Н. И.* Инновационная политика и поиск новых источников экономического роста: мировые тенденции и вызовы для Беларуси / Н. И. Богдан // Белорус. экон. журн. — 2017. — № 1. — С. 4–23.
Bogdan, N. I. Innovation policy and the search for new sources of economic growth: global trends and challenges for Belarus / N. I. Bogdan // Belarusian Econ. J. — 2017. — № 1. — P. 4–23.

Статья поступила в редакцию 15.11.2018 г.

УДК 331.103+338.2

E. Bogdashits
BSEU (Minsk)

MOTIVATION TO THE INNOVATIVE CONDUCT OF THE EMPLOYEES

This thesis gives the characteristic of the theoretical and methodological aspects to the motivation to the innovative conduct of the employees, based on the study of organizational causes for increasing innovative personnel initiatives and active-transformative approach to the labor.

Keywords: *motivation; innovative conduct; motivation to innovative conduct; satisfaction with the labor; employee loyalty; employee involvement; active-transformative approach to the labor; initiative; creativity; creative potential.*

E. A. Богдашиц
кандидат экономических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

МОТИВАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

Дана характеристика теоретико-методологических аспектов мотивации инновационного поведения персонала, основанных на изучении организационных предпосылок развития у персонала инновационной инициативы и активно-преобразовательного отношения к труду.

Ключевые слова: *мотивация; инновационное поведение; мотивация инновационного поведения; удовлетворенность трудом; лояльность персонала; вовлеченность персонала; активно-преобразовательное отношение к труду; инициатива; креативность; творческий потенциал.*